

Дмитрий Хворостовский в мировой прессе

А голос летит над планетой

Последний приезд Дмитрия Хворостовского в Красноярск был совершенно необычным. Он уже давно не оставался на родине так надолго — на целых девять дней. Три года он не пел здесь. Причем на этот раз билеты на его выступления в Малом зале филармонии разошлись в мгновение ока, хотя в городе почти не было афиш. И вообще на его поклонников, знакомых, друзей, сокурсников и бывших коллег нашло какое-то легкое безумие: все хотели его видеть, слышать, встретиться с ним, пожать руку.

Не все, к великому сожалению, смогли попасть на эти благословенные концерты. Но тот, кто ухитрился проникнуть в зал, был счастлив. Я знаю людей, что выделили из своей нищенской пенсии деньги на билет и почли это за великое благо. И готовы были бы встречаться с Дмитрием Хворостовским и знать о нем все, что возможно. Для них мы и публикуем сегодня разговор с его концертмейстером, заслуженным артистом России Михаилом Аркадьевым.

— Михаил Александрович, в чем проявляется Димина и ваша требовательность к партнеру?

— Мы хотим, чтобы каждый из нас был на самом высоком профессиональном уровне. Кстати, Дима обладает потрясающим терпением. Он всегда доверяет партнеру, очень внимателен и очень доброжелателен. Вообще он уникальный для вокалиста ансамблист. В основном ведь вокалисты даже самого высокого уровня ждут только поддержки от пианиста или оркестра, но Дима прекрасно чувствует своего партнера всегда. И это качество скорее инструменталиста высокого уровня — пианиста или скрипача. У вокалиста же оно бывает очень редко.

— Интересно, как реагирует пресса в разных странах на ваши выступления?

— Все зависит от того, в какой мы находимся стране и сколько раз мы там бывали. В Лондоне, где Дима живет, к нему особенный интерес, потому что именно с Лондона началась его слава. В Америке все гораздо ровнее, но отзывы средств массовой информации всегда восторженные.

— А какова ваша и его реакция на критику?

— Иногда это задевает. Но в основном ведь критика положительная. Хотя, что положительная, что отрицательная, она в равной степени может быть неудовлетворительной. У

нас в России сначала была вспышка феноменальная — успеха, который был абсолютно раздут. За что Диме пришлось потом расплачиваться. Никакого драматизма в судьбе Хворостовского не было. Человек, который в 22 года стал солистом оперного театра, потом победил и получил Гран-при на всех конкурсах — всероссийском и всесоюзном, где его мгновенно заметили, где его поддержала Архипова, международных — в Тулузе и в Кардифе, — какая уж тут неудача, какое уж тут непризнание? Но так сложилось, что в 1989 году Дима в одно мгновение стал суперзвездой в русских средствах массовой информации, и, конечно, на Западе тоже.

Вот сейчас, когда прошло 8 лет его карьеры, стало ясно, что он не просто удачливый талантливый вокалист, а выдающийся музыкант, который способен двигаться и развиваться.

Вообще вся эта ситуация грандиозного успеха была для Димы опасна. И он пережил ее очень тяжело. Но достойно вышел из этой ситуации. Это тоже редчайшее качество.

— Мне показалось, когда я слушала два его последних концерта, что только человек, который очень глубоко и много страдает, может так петь.

— Я думаю, что он, как любой художник, страдает вне зависимости от того, как складываются внешние обстоятельства. У него есть внут-

реннее одиночество, много сомнений.

— Вы иногда видите и слышите Дмитрия как бы со стороны, когда не выступаете с ним в концертах. Ваше впечатление?

— Это бывает не так часто. В последний раз в Нью-Йорке, в "Метрополитен-опера", где он пел Елецкого в "Пиковой даме". С этого момента, на мой взгляд, он стал совершенно иначе работать. У него изменилась подача голоса, манера поведения на сцене: он стал более естественным, более свободным, стал более виртуозно владеть своим голосом.

Пел он Елецкого великолепно, очень благородно. Прекрасно звучал в очень непростой акустике в Нью-Йорке. Имел колоссальный успех, сделав своего второстепенного героя одним из центральных персонажей оперы. И это было подчеркнуто режиссурой. Елецкий приобрел характер мстителя, высшего возмездия. Дима сделал Елецкого романтическим героем.

— Какое вы оказываете друг на друга влияние в профессиональном и человеческом плане?

— Оба мы — люди непростые, с непростыми характерами. Единственное, что нас объединяет в человеческом плане, — это, наверное, наша внутренняя доброжелательность.

А в профессиональном отношении и сам Дима, и общение с ним на лучших сценах мира дали мне огромный опыт. Вслушивание в то, что он делает, поиск им тонких красок оказали на меня сильное влияние, колоссально расширив

мою художническую палитру. Это неоценимо.

Может быть, и я в чем-то повлиял на творческое становление Димы. По крайней мере, я всегда бесстрашно говорил ему: "Ты художник, и должен жить, как художник". Мне кажется, он поначалу относился к своему творчеству, как к работе. А у артиста должно быть сознание, что он несет на себе миссию чисто художественную, и это обязывает его ко многому. Ничего важнее в жизни больше нет. Единственное, что может соперничать с призванием, — это, вероятно, любовь к детям, к семье.

Когда Дмитрий Хворостовский уезжал из Красноярска, шел дождь. Почти весь день. То едва накрапывал, то моросил, то принимался лить как из ведра. И казалось, что сама природа плачет, провожая сына в дорогу. Плакали и родители, и сам Дима, который сказал перед тем, как уйти в самолет: "Лучше не приезжать, чем так расстраиваться". Но это, конечно, было брошено в сердцах, потому что для любящих друг друга людей 9 дней — мгновение: не заметишь, как пролетели.

Тем более что и событий произошло за это время предостаточно, — и радостных, и трагических. Но главным среди них было новое явление великого русского певца Дмитрия Хворостовского на красноярской земле.

Наталья САВВАТЕЕВА.
Фото Валерия БОДРЯШКИНА.